

при выдаче документа российского образца. При этом в Академии постдипломного образования, где обычно проходят повышение квалификации учителя школ, нет ни одного специалиста по финскому языку. Методику преподавания иностранного языка учителям финского языка давали на основе французского языка и это засчитывалось как повышение квалификации преподавателя финского языка. Но сертификат, выданный в университете Финляндии, не признавался. Абсурд – без дальнейших комментариев.

Таково краткое изложение положения с преподаванием финского языка в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Проблем много, но «Инкерин Лиитто» и Ингерманландский учебно-научный центр надеются, что выход из сложного положения будет найден.

Ирина Такала

ФИНСКИЙ ЯЗЫК В КАРЕЛИИ: ИСТОРИЯ И СУДЬБА

Финны не являются коренным населением России. Некоторое исключение могут составить лишь ингерманландские финны – не коренное, но старожильческое (с XVII века) население современной Ленинградской области. Собственно финны появляются на территории России в результате миграционных процессов XIX–XX веков и это были очень небольшие по численности группы. В XIX столетии миграция была обусловлена экономическими причинами и носила приграничный характер, большая часть финляндских иммигрантов расселялась в северо-западных российских губерниях – Петербургской, Олонецкой, Архангельской – хотя появляется и весьма специфичная группа т.н. «сибирских» финнов. В 1897 году в империи насчитывалось 36 тыс. финляндских уроженцев, 98% из них (35 тыс.) проживало в Европейской России⁵.

⁵ Бирин В. Н., Такала И. Р. Финны // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 370–371; Энгман М., Юнгар С. Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809–1917 гг. // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Россия и Финляндия 1700–1917. Л., 1980. С. 116–117. Следует иметь в виду, что понятие «финляндские уроженцы» означало не фактическое место рождения, а финляндское подданство. Перепись 1897 года дает распределение финляндских уроженцев и по родному языку, что существенно, так как среди них кроме финнов были и шведы.

В годы революции большинство финнов вернулось на родину (исключение составили финские колонисты мурманского побережья), и в советское время диаспора формировалась фактически заново. С 1918 по 1935 годы было три больших иммиграционных волны, вызванных к жизни целым комплексом политических и экономических причин и обусловленных изменениями, происшедшими в мире после российской революции. По причинам миграции, времени прибытия и месту исхода финских иммигрантов советского периода можно условно разделить на три основные группы – политэмигранты (красные финны), перебежчики и североамериканские переселенцы. К 1935 году основная масса финнов-иммигрантов была сосредоточена в северо-западном регионе, главным образом в Карелии и Ленинградской области (по косвенным подсчетам свыше 20 тыс. человек). Всего же в середине 1930-х годов финское население России должно было составлять не менее 32–33 тыс. человек⁶.

Что касается ингерманландских финнов, то их численность росла в XIX – начале XX века за счет естественного прироста и это была самая крупная финноязычная группа России. Согласно переписи 1926 года численность ингерманландцев в РСФСР составляла 115,2 тыс. человек, практически все они (114,8 тыс.) проживали в месте исконного обитания – в Ленинградской губернии⁷. Компактность расселения, этническое родство с коренным финно-угорскими народами, языковая и национальная политика, проводившаяся в стране до начала 1930-х годов давали хорошие возможности для сохранения культурных традиций и родной речи, как у иммигрантов, так и у ингерманландских финнов. В Карелии, Ленинградской, Мурманской областях издавались газеты на финском языке, печатались журналы, книги, работали национальные школы, клубы, творческие коллективы, театры. До 1937 года в КАССР финский являлся вторым, после русского, официальным языком.

К 1936 году иммиграция финнов в СССР прекратилась, а последующая судьба большинства иммигрантов, как и ингерманландских финнов, оказалась весьма трагичной. Годы репрессий, война,

⁶ Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 22.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 1. М., 1928. С. 108–125.

принудительные выселки и депортации привели к резкому уменьшению численности финноязычного населения России. Эта тенденция, обусловленная целым комплексом различных причин, сохранялась все послевоенные десятилетия⁸, что наглядно демонстрирует график 1:

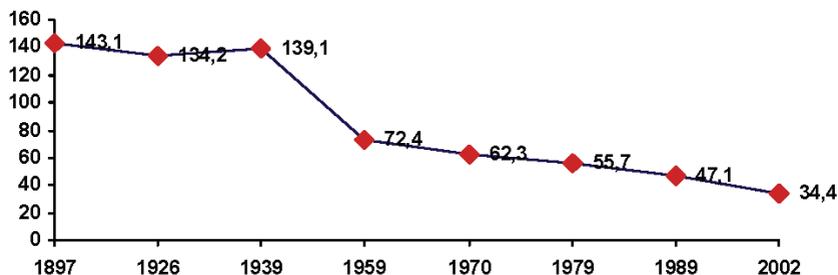

График 1. Финны в России по переписям 1897–2002 гг. (тыс. чел.)⁹.

Процессы уменьшения численности финноязычного населения России давно приобрели необратимый характер, репатриация ингерманландцев в Финляндию, начавшаяся в 1990 году, лишь ускорила их. Вместе с тем, возможность для ингерманландских финнов почти до конца 1930-х годов пользоваться родным языком и широкое распространение финского в довоенной советской Карелии являлись мощными культурными факторами, оказавшими серьезное влияние не только на сохранение этнической идентичности российских финнов, но и на формирование национальной идентичности карел. В этом плане карельский пример нуждается в более подробном рассмотрении. Если ликвидация культурных прав ингерманландцев, или, скажем, мурманских финнов, в конце 1930-х го-

⁸ См.: Лалукка С. Штрихи к этнической карте северо-запада России (1926–1959 гг.) // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 42–65.

⁹ Финны и ингерманландские финны показаны вместе. 1897 год – по Российской империи число лиц с родным финским языком (без ВКФ), остальные переписи – данные о национальности на основе самоопределения населения Российской Федерации в границах соответствующих лет. Составлен по материалам переписей.

дов шла в русле общей национальной политики советского государства и была процессом необратимым, то ситуация с финским языком в Карелии, в которой доля финнов никогда не превышали порога в 4,3% от общего числа населения¹⁰, была несколько иной. Финский язык в республике внедрялся, ликвидировался, затем снова насаждался среди карельского, вепсского и русского населения порой весьма настойчиво. Этот «финский фактор», как бы ни оценивали и ни объясняли его впоследствии исследователи, оказал серьезное влияние на формирование и развитие национальной культуры советской Карелии.

В российской Карелии этнический состав населения веками отличался преобладанием двух почти равных по численности этнических групп – русских и карел, и это был сугубо православный регион. Финны с момента своего появления здесь в XIX веке всегда оставались очень немногочисленной группой, отличавшейся от местного населения языком, верой и культурой. Финское население Олонецкой губернии начинает быстро увеличиваться с 60-х годов XIX века, что было связано с частыми неурожаями и сложной экономической ситуацией в восточных губерниях Великого княжества Финляндского. К концу столетия численность финнов в Олонецкой губернии достигла трех тысяч человек и оставалась на этом уровне вплоть до 1917 года (1% от всего населения)¹¹. Переселение в Олонецкую губернию было для большинства мигрантов явлением временным, они продолжали оставаться финляндскими гражданами, проживая по плакатным паспортам и в годы революции свыше 70% переселенцев вернулось на родину.

Финская диаспора Советской Карелии формировалась заново за счет политэмигрантов, покинувших Финляндию после гражданской войны 1918 года, перебежчиков и североамериканских финнов. Так же как до революции численность финнов в Карелии была крайне невелика. По переписи 1926 года 57,2% населения КАССР составляли русские, 37,4% – карелы, 3,2% – вепсы и лишь

¹⁰ Этот максимум был достигнут к концу 1950-х годов, в связи с массовой миграцией в Карелию ингерманландских финнов, которым после войны не разрешили вернуться на родину в Ленинградскую область.

¹¹ *Бирин В. Н., Такала И. Р.* Финны. С. 370; *Бирин В. Н.* Финны Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991 (препринт доклада). С. 4–5, 27–29.

0,9% – финны¹². К середине 1930-х годов финская диаспора достигла своего максимума – примерно 15 тыс. человек (чуть больше 3% от всего населения)¹³. Тем не менее, роль финнов и финского языка в истории советской Карелии на протяжении первых 15 лет её существования была чрезвычайно значима. Сама карельская автономия, рождение которой во многом определялось военно-стратегическими и внешнеполитическими императивами, строилась усилиями красных финнов. С 1920 по 1935 год республику, предназначением которой было стать «образцовым обществом на границе с Финляндией» и «подготавливать в идейном отношении почву для Финляндской революции»¹⁴, возглавлял бывший член финляндского парламента от СДПФ, доктор философии Эдвард Гюлинг.

Языковая политика, проводившаяся финским руководством Карелии в 1920-е и в первой половине 1930-х годов, до сих пор вызывает споры. Некоторые исследователи считают эту политику насильственной финнизацией, лишившей карел возможности развить свой литературный язык. Отметим, однако, что строилась она, за исключением, пожалуй, нескольких лет форсированной финнизации (1930–1932), спровоцированной самим центром, полностью в русле национальной и языковой политики советского государства.

Активное внедрение финского языка в крае, населённом преимущественно русскими и карелами, оказалось возможным не только ввиду пребывания у власти красных финнов. Это обуславливалось диалектной и территориальной разобщённостью карельского языка, а также политическими, в том числе и внешнеполитическими, причинами. До революции традиционным для карел языком образования и культуры был русский, хотя в конце XIX – начале XX века предпринимались попытки создания алфавита и издания литературы, главным образом церковных текстов, на карельских диалектах. В северных приграничных волостях Олонецкой губернии и в Беломорской Карелии, где население говорило на

¹² Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 1. С. 114–115.

¹³ Подробнее см.: *Такала И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 150–175.

¹⁴ Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый всекарельский съезд советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 258.

собственно карельском наречии, отходнические промыслы и корабельничество способствовали распространению финской грамоты и финского языка. Однако настоятельной потребности в знании русского или финского языков у большинства карельского населения не было. При массовой неграмотности двуязычие карел было слабым и носило групповой характер: языками соседей владела лишь часть мужчин, занятых на отхожих промыслах¹⁵.

Теоретически при выборе культурного языка для карел у руководства автономии было три перспективы: брать за основу литературный русский, литературный финский или разрабатывать литературный карельский язык. Однако, при отсутствии единого языка и наличии нескольких сильно отличающихся друг от друга диалектов, создание литературного карельского языка могло быть лишь весьма долгосрочной перспективой. В Финляндии карельские диалекты традиционно рассматривались как часть финского языка, такое представление нашло поддержку и у финского руководства Карелии. По мнению Гюллинга, двуязычие (русский и финский языки) в администрации и образовании должно было сблизить местное карельское население с советской властью и ускорить приобщение карел к грамоте и культуре¹⁶. Решение языкового вопроса и придание официального государственного статуса двум языкам шли в русле решений первых двух Всекарельских съездов Советов (февраль, октябрь 1921 года), а также ЦК РКП (б), Оргбюро которого в марте 1922 года предписало руководству Карельской Трудовой Коммуны ввести в учреждениях и школах коммуны наравне с русским языком финский¹⁷. При этом повсеместно предусматри-

¹⁵ Клементьев Е. И. Языковая ситуация в Карелии: состояние, тенденции развития // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 113. Сравни: Афанасьева А. И. Создание Советской Национальной Автономии и некоторые вопросы языкового строительства // Вопросы Истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 51.

¹⁶ Подробнее см.: Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992 (препринт доклада); Антикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 207–222.

¹⁷ Всекарельский съезд. С. 223–227; НА РК, Ф. Р-682, оп. 1, д. 1/5, л. 97.

валось использование, в том числе и в письменной форме, карельских диалектов. Эта особенность была зафиксирована в термине «карело-финский язык», который впервые официально был использован в декрете ВЦИК о преобразовании КТК в АКССР (25.07.1923)¹⁸. В развернутом виде концепция единого «карело-финского языка» излагалась в постановлении ЦИК Карелии 1924 года: карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи¹⁹.

Вначале финский язык применялся преимущественно среди финнов и северных карел, говорящих на собственно-карельском диалекте. Культурным языком подавляющего большинства ливвиков и людиков, карел южной части республики, оставался русский. С середины 1920-х годов начинается активное расширение функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политической коренизации. В Карелии коренизация называлась «карелизацией», но подразумевала введение финского языка (прежде всего в сфере народного образования) и выдвижение на руководящие посты, как карел, так и финнов. В русле концепции о едином «карело-финском языке» большинство школ национальных районов КАССР с середины 1920-х годов переводилось на финский язык. В результате к 1929/30 учебному году в республике работало 198 русских школ (44%) и 250 национальных, из которых только в 59 шло преподавание на русском языке, а в остальных 191 – на финском. В шести приграничных национальных районах, на 80–90% населенных карелами или вепсами не работало в том году ни одной русскоязычной школы²⁰. В 1932 году уже 99,6% детей карел обучались на финском языке²¹. Столь же активным было использование финского языка в работе по ликвидации неграмотности сре-

¹⁸ Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925: Сб. документов. Петрозаводск, 1979. С. 59–61.

¹⁹ Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 111–112.

²⁰ Подсчитано по: Ежегодник 1929 года. Выпуск IV. Петрозаводск, 1931. С. 40–41.

²¹ *Афанасьева А. И.* Народное образование в Советской Карелии в 1920–1930-е годы // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940). Сыктывкар, 1996. С. 59.

ди взрослых. В 1929 году на нем обучался 21% карел, а в 1932 году уже 70% от всего обучавшегося в школах ликбеза взрослого карельского населения²².

Населением подобная политика воспринималась неоднозначно. В южной Карелии, где различия между местными диалектами и финским литературным языком были существенны, большинство карел по-прежнему отдавало предпочтение русскому языку. Впрочем, непременным условием «карелизации» продолжало оставаться использование местных диалектов, а населению предоставлялось право выбора языка обучения. Во второй половине 1920-х годов более чем в 50% первых классов начальных карельских школ обучение начиналось на местном разговорном языке вне зависимости от основного учебного языка²³. И в целом, в 1920-х годах введение финского языка не было чем-то самодовлеющим, стоящим отдельно от остальных аспектов жизнедеятельности республики. Финские эмигранты добивались создания таких условий, при которых, по словам председателя ЦИК республики Александра Нуортева, литературный финский язык явился бы «естественным продолжением карельских диалектов»²⁴. Объективно приобщение восточных карел к литературному финскому языку способствовало расширению общественных функций карельских говоров.

Перемены, происходившие в стране, не могли не отразиться на национальной и языковой ситуации в приграничной республике. Концепция «карело-финского языка» претерпевает существенные изменения в 1929 году, когда ей на смену приходят жёсткие установки постановления пленума Карельского обкома ВКП (б) «Очередные задачи национальной политики в АКССР». В постановлении содержался отказ от принципа свободы выбора русского или финского языков для карельского населения и утверждался финский как единственный письменный и литературный язык. Он признавался не только обязательным языком народного образования,

²² *Афанасьева А. И.* Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 44.

²³ *Левкоев А. А.* Указ. соч. С. 12–14.

²⁴ *Нуортева А.* Проблема карельского языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 4.

просвещения и печати для карел, но в перспективе должен был стать для них и языком бытового общения²⁵. Однако финский период в истории Карелии подходил уже к концу и начиная с 1933 года требования к обязательности использования финского языка заметно ослабели, а в 1935 году, после смещения руководства республики, вновь вернулись к свободному выбору языка.

Резкому повороту в политике приобщения восточных карел к литературному финскому языку, приведшему к форсированной финнизации, во многом содействовала полемика, вспыхнувшая между центральными властями и карельским руководством относительно целесообразности разработки карельской письменности. Создание в 1930 году письменности для тверских карел поставило под сомнение правомерность употребления финского языка в Советской Карелии. Начавшаяся в прессе т. н. «языковая война» между финскими эмигрантами и сторонниками карельского литературного языка велась вполне в духе времени, сопровождаясь взаимными политическими обвинениями. Наиболее активным и влиятельным борцом за право карел на родной язык был профессор Д. В. Бубрих. Видный ученик Н. Марра и знаток финно-угорских народов, Бубрих добивался последовательного соблюдения победоносных принципов марровской науки, согласно которым языки были явлением надстройки и, следовательно, отражали классовую сущность того общества, продуктом которого являлись. В свете новой лингвистической ортодоксии буржуазный финский язык никак не мог быть национальным языком пролетарской Карелии. Бубрих резко разграничивал финский и карельский языки и даже обвинил сторонников финского языка в том, что они поддерживают «фашистских» финских теоретиков, писавших об общем финно-угорском праязыке и тем самым обосновывают «великофинские» претензии по воссоединению всех финно-угорских соплеменников²⁶. Противостояние усугубило постановление Президиу-

²⁵ Материалы и постановления IV объединенного пленума Карельского областного комитета и областной контрольной комиссии ВКП (б) 10–13 августа 1929 г. Петрозаводск, 1929. С. 26–28.

²⁶ См.: Бубрих Д. В. Какой язык – тверским карелам. Л., 1931; Бубрих Д. В. Карелы и карельский язык. М., 1932.

ма Совета Национальностей ЦИК СССР от 25 апреля 1931 года²⁷, обязывавшее руководство Карелии приступить к созданию карельского литературного языка и переводу на него всей культурной работы.

И всё же требование введения карельской письменности было отклонено. Осенью 1931 года Карельский обком ВКП (б) принял постановление об «обслуживании национальных районов на финском языке и выделении таковых в особую группу районов, с вытекающими отсюда специальными мероприятиями». Продолжение употребления финского языка мотивировалось влиянием последнего на разговорную речь карел, в особенности на севере республики, значительными диалектными различиями карельского языка, результатами проведенного в 1920-е годы референдума и «революционизирующим» влиянием финноязычной Советской Карелии на рабочий класс Финляндии²⁸. Смелость карельского руководства объяснялась тем, что в его поддержку выступил высший партийный орган – Политбюро ЦК ВКП (б) – отменивший в июне 1931 года решение Совета Национальностей. Позднее нецелесообразность перехода на карельский язык признал также Президиум ВЦИК СССР²⁹. Надо полагать, что массовая подготовка в Карелии финноязычных кадров вполне отвечала стратегическим планам Москвы. Из центра следовали инструкции о необходимости «усилить темп карелизации партийного, государственного, профсоюзного и кооперативного аппарата, школ и культурных учреждений». В результате в начале 1930-х годов происходит серьезная трансформация этой политики, которая привела к методам силового решения языкового вопроса, когда введение финского языка становится самоцелью.

Одновременно в печати продолжалась полемика относительно того, каким должен быть советский финский язык. Идея о подчинении развития финского языка местным условиям и потребностям просуществовала недолго. Своеобразный «карело-финский» язык, представлявший собой непоследовательное смешение фин-

²⁷ НА РК, Ф. П-3, оп. 2, д. 560, л. 83–107.

²⁸ Вестник ЦИК АКССР. 1932. № 3. С. 10–11.

²⁹ *Афанасьева А. И.* Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940. Петрозаводск, 1989. С. 48; Punainen Karjala. 7. и 8.12.1931.

ского с элементами преимущественно ливвиковского наречия, культивировался, например, в газете для малограмотных «*Karjalan kultarmeijäläinen*», издававшейся в 1932–1933 годах. Некоторое расширение получило использование карельских диалектов в художественной литературе, однако реальных условий для карелизации финского языка в начале 1930-х годов не было³⁰. Дискуссия о языке велась в основном между этническими финнами, поэтому на первый план выдвинулись идеологические противоречия проповедников его «революционного» обновления с одной стороны, и сторонников сохранения «единства финноязычной культуры» с другой. Так, молодой языковед ингерманландец Матти Хямяляйнен выступал за замену «фашистских» финских неологизмов новыми «революционными» словами, а эмигрант Хейно Раутио, наоборот, категорически отвергал наблюдавшиеся в Советском Союзе тенденции «интернационализации» и «русификации» финского языка³¹. Несмотря на оживлённую дискуссию, результаты намеченных обновлений оказались тогда весьма незначительными. Разработка особого «советского» варианта финского языка, отличного от языка «буржуазной Финляндии» и расширение употребления карельских диалектов возобновились после 1935 года. Перед созданной весной 1936 года терминологической комиссией при Карельском научно-исследовательском институте была поставлена задача «большевистского обогащения и развития» финского языка при помощи включения в него интернационализмов, советизмов и карельских слов³². При этом вытеснялись собственно финские неологизмы, ставшие символами политической неблагонадежности.

Широкое применение финского языка в Карелии 1920-х – первой половины 1930-х годов, прежде всего в образовании и при ликвидации неграмотности населения, имело весьма важные последствия. За короткий срок в республике была выстроена новая система народного образования от начальной школы до высшей. К 1933 году в Карелии работало свыше 500 школ (половина из них – национальные), полтора десятка техникумов (кадры для финно-

³⁰ *Антикоски Э.* Указ. соч. С. 213.

³¹ *Hämäläinen M.* Suomen kirjakielen vallankumouksen henkeä // Punainen Karjala. 12.4.1932; *Rautio H.* Suomen kielen runtelijoita vastaan! Petroskoi, 1932.

³² Punainen Karjala. 11.3.1936.

язычных школ готовили финские педагогические техникумы в Петрозаводске и Ухте), Педагогический институт, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. В 1931 году начинает свою деятельность первое академическое учреждение – Карельский научно-исследовательский институт, одним из создателей которого был Эдвард Гюллинг.

Результаты этой работы очевидны. Если в 1920 году грамотность среди карельского населения едва достигала 24%, национальной интеллигенции не было вообще, то к 1933 году уровень грамотности карел возрос до 46%, почти половина из них (48%) владела финской грамотой или русской и финской одновременно³³. В 1926 году в Петрозаводске была создана первая писательская организация – Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), лидирующую роль в которой играли финны: в русской секции организации было 9 членов, в финской 35³⁴. Члены финской секции сумели объединить вокруг себя талантливую карельскую молодежь, писавшую на финском языке. В 1920–30-е годы начинают свой творческий путь те, кто впоследствии составил гордость карельской литературы: Николай Лайне, Николай Яккола, Антти Тимонен, Яакко Ругоев. К 1933 году в республике было 43 писателя и 6 литературных критиков, 75% из них (37 человек) были финнами или карелами³⁵.

Постоянно увеличивались тиражи финноязычной периодики. Уже с ноября 1920 года в Петрозаводске начала выходить областная газета «*Karjalan kommuni*», переименованная после образования КАССР в «*Punainen Karjala*». Тираж газеты постоянно возрастал: в 1923 году он составлял 1350 экз., в 1928 году – 3 тыс. экз., в 1931 году – 14,5 тыс. экз.³⁶. В 1928 году в республике появился литературно-художественный журнал «*Punakantele*», переимено-

³³ От всего населения. Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии 1922 г. Вып. II, часть I. Петрозаводск, 1923. С. 14–15; Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. I. Б.м., 1934. С. 18, 40–41.

³⁴ *Ylikangas M. Rivit suuriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940.* Helsinki, 2004. S. 152–153.

³⁵ НА РК, Ф. П-3, оп. 3, д. 210, л. 4–7; *Ylikangas M. Op. cit.* S. 157.

³⁶ *Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии.* С. 44.

ванный в 1932 году в «Rintama». Издаются также альманахи «Isku», «Lokakuu», сборники «Illankuluksi tukkikämpässä», «Valtatielle», детский журнал «Nuoret iskurit». В 1934 году в Петрозаводском отделении издательства «Kirja» (создано в 1927 году) печаталось две газеты и пять журналов и литературных альманахов на финском языке³⁷. В начале 1930-х годов финноязычные газеты издаются уже в большинстве северных и северо-западных национальных районов, в южных карельских районах местная пресса имела финские страницы. О возраставшем приобщении карельского населения к финскому языку свидетельствовал постоянный рост числа добровольных рабочих и сельских корреспондентов финноязычных газет. У газеты «Punainen Karjala» в первые годы ее издания их не было вообще. В 1928 году в редакцию регулярно писали уже 200 добровольных помощников, в 1930 году их число возросло до 660, ежемесячно газета получала от 210 до 540 писем и замечаний от своих рабкоров и селькоров³⁸.

Финский язык активно использовался в деятельности культурно-просветительных учреждений. Уже в 1926 году из 29 изб-читален, работавших в карельских волостях, в 27 просветительская работа (беседы, лекции, читки литературы и газет) велась на финском языке. В массовых библиотеках с 1921 года стали создаваться отделы финноязычной литературы и к середине 1930-х годов в общем библиотечном фонде республики она составляла 13% всех фондов (в северных карельских районах – до 85%)³⁹. В начале 1920-х годов в Петрозаводске и Ухте появляются первые самодеятельные театральные коллективы, работавшие на финском языке, и в 1932 году открылся профессиональный финский драматический театр. В репертуаре театра были пьесы драматургов Финляндии, а также финноязычных писателей Карелии и переводы советских авторов; актеры часто гастролировали по республике, что способствовало развитию драматического искусства в национальных районах. Много для распространения финского языка и культуры делал образованный в 1931 году в Петрозаводске Радиокоми-

³⁷ Подробнее см.: Алто Э. Л. Указ. соч.

³⁸ Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии. С. 46.

³⁹ Там же. С. 45.

тет: в начале 1930-х годов девяносто процентов радиовещания велось на финском языке⁴⁰.

И в целом первая половина 1930-х годов стала временем расцвета национальной культуры Карелии. По всей республике возникали многочисленные профессиональные и любительские коллективы – театры, оркестры, хоры, художественные студии, агитбригады, фольклорные ансамбли. В 1933 году республиканский Дом самодеятельного искусства объединял 389 самодеятельных кружков, 200 из которых работали на финском языке⁴¹. Финская культура, не имевшая в Восточной Карелии до 1920-х годов практически никакой базы, к середине 1930-х годов становится уже серьезной составляющей культурной жизни республики. С широким внедрением финского языка во все сферы жизни постепенно складывались и предпосылки для изучения и развития карельских диалектов, расширялись их общественные функции, и, что очень важно, предотвращалось безудержное проникновение в лексику карельского языка русских заимствований. Объективно языковая и национальная политика красных финнов, в том числе и их усилия по экономическому подъёму национальных районов, способствовала консолидации карел автономной республики в целостную этническую общность. Одновременно велась работа по освоению финского языка русским населением: с конца 1920-х годов его обязательное изучение было введено во всех школах повышенного типа.

Финская культура в Карелии могла развиваться сравнительно свободно лишь полтора десятка лет, массовые репрессии конца 1930-х годов нанесли ей невосполнимый урон. Финны, чья численность в республике в середине 1930-х годов едва превышала 3% населения, в годы большого террора составили свыше 40% всех репрессированных (карелы 27%, русские 25%)⁴². Гонения на финнов и финский язык в Карелии начались уже с осени 1935 года, одновременно ударными темпами начинает создаваться карельский литературный язык, который в проекте новой республиканской

⁴⁰ Колосенок С. В. 30-е годы // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1976. С. 267.

⁴¹ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 202.

⁴² Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. С. 199.

конституции (июнь 1937 года), был провозглашён третьим государственным языком наравне с русским и финским. К концу 1937 года финский язык, как и по всей стране, был запрещён, издание финноязычной периодики и книг прекращено. В апреле 1938 года Карельский обком ВКП(б) обратился с письмом к Сталину с просьбой разрешить изменить Конституцию, исключив финский язык из числа государственных языков КАССР⁴³.

Политика ускоренного введения в республике карельской письменности и карельского литературного языка, как известно, потерпела крах. Политическая ситуация тем временем изменилась и весной 1940 года финскому языку был возвращен статус государственного в созданной после Зимней войны Карело-Финской ССР. Обосновывалось это теми же аргументами о языковой и культурной общности финнов и карел, которые использовали уничтоженные несколько лет назад прежние руководители республики: финский язык является высокоразвитым литературным языком, легко понятен карельскому населению и должен стать главным средством подъема национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, роста науки, литературы, искусства и создания кадров интеллигенции. При этом подчеркивалось внешнеполитическое значение финского языка – он должен был способствовать сближению народов Карелии и Финляндии и достижению тесного сотрудничества между ними⁴⁴. В школах республики вводилось его обязательное изучение, независимо от национальной принадлежности учащихся, в Петрозаводске был учрежден государственный университет, преподавание в котором планировалось и на финском языке, возобновил свою деятельность финский театр, стали публиковаться газета «Totuus» и журнал «Punalippu». Интересно, что финский язык возвращался в республику точно в таком виде, как он существовал в Финляндии, ни о каких вариантах создания «пролетарского», «советского» финского языка уже не вспоминали. Одновременно к жизни возрождаются понятия «карело-финский язык» и «карело-финский народ».

⁴³ Советы Карелии. С. 200–201.

⁴⁴ *Куприянов Г. Н.* Отчетный доклад Карельского обкома ВКП (б) на I съезде КП (б) Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1940. С. 97–100, 105–106.

Великая Отечественная война вновь внесла свои коррективы. Значительная часть республики была оккупирована финскими войсками и оккупационные власти начинают активно распространять финский язык, культуру и идеи Великой Финляндии среди национального населения. Уже в октябре 1941 года появилось распоряжение об обязательном обучении детей родственных народов в возрасте 7–15 лет. Язык обучения был финский, осенью 1942 года в карельских школах насчитывалось 5600 учеников, в Петрозаводске работал финский лицей, десятки молодых карел были направлены в Финляндию для получения учительского образования⁴⁵. Средством воздействия на население стали газеты «*Varaa Karjala*» (ее тираж в 1943 году превысил 1 тыс. экземпляров), «*Raatteneen viesti*» и русскоязычное «Северное слово».

Активное внедрение в школьное обучение финского языка в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов, а затем во время финской оккупации, позволило, несмотря на то, что большая часть финской диаспоры была уничтожена в 1936–1938 годах, в первое послевоенное десятилетие достаточно успешно поддерживать развитие финноязычной культуры в Карелии. Однако восстановить эту культуру до уровня середины 1930-х годов больше никогда не удавалось, хотя к 1950 году в республику переселяется свыше 21 тыс. ингерманландцев, которым не разрешили возвращаться в родные места. К тому же война и оккупация в гораздо большей степени повлияли на формирование негативного отношения к финской культуре и языку в советском обществе, нежели борьба с «финским буржуазным национализмом» конца 1930-х годов. Многие карелы и вепсы, пережившие оккупацию детьми, достаточно позитивно вспоминали о том времени⁴⁶, но для большинства населения, вернувшегося с войны или из эвакуации финский был языком врага. Вскоре политическая нужда в Карело-Финская ССР отпала, и в 1956 году она вновь была преобразована в автономную

⁴⁵ *Hölsä M.* (toim.). *Valkoiset sivut eli Suomalainen oppikoulu Itä-Karjalassa: Äänislinnan Yhteislyseo 1942–1944.* Vantaa, 1997. S. 17. Подробнее см.: *Hölsä M.* *On uuden huomenen saava: Suomalainen kansakoulu Itä-Karjalan sotilashallinnon kasvatustavoitteiden toteuttajana miehitysajan aunukselaiskylässä 1941–1944.* Joensuu, 2006.

⁴⁶ См.: Устная история в Карелии: Сб. научных статей и источников. Вып. III. Финская оккупация Карелии (1941–44). Петрозаводск, 2007.

карельскую республику. Использование, а главное преподавание финского языка было прекращено, лишь в 1963 году оно возобновляется в вузах, а затем и некоторых школах.

В 1960–1980-е годы финский язык все же продолжал использоваться в национально-культурной сфере автономии. Выходили газета «Neuvosto-Karjala» (с 1992 года «Karjalan Sanomat»), литературно-художественный журнал «Punalippu» (с 1991 года «Carelia») и детский «Kirinä» (с 1986 года), работала финская редакция в издательстве «Прогресс», продолжал свою деятельность единственный в стране финский театр. Более того, нормы об обязанности публикации всех решений государственной власти на русском и финском языках, равном использовании их в символике воспроизводились до 1993 года во всех конституциях послевоенной Карелии (1957, 1978 годы, с изменениям 1984–1993 годов). Вместе с тем постоянное сужение сфер применения финского языка неуклонно вело к языковой аккумуляции потомков финнов-иммигрантов и ингерманландцев. К концу 1980-х годов в массовом масштабе национальная принадлежность и родной язык стали не совпадать, хотя в Карелии эти процессы шли несколько медленнее, чем в целом по России (см. График 2).

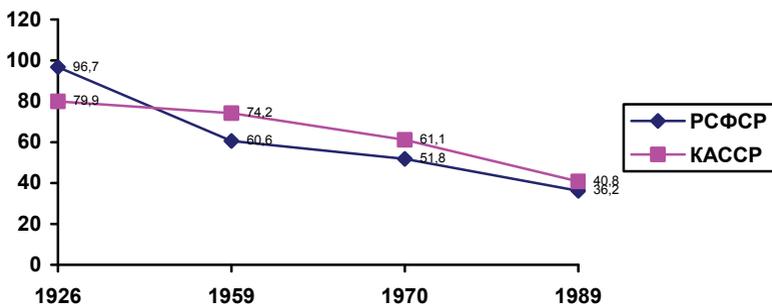

График 2. Утрата родного языка у финнов России по переписям 1926–1989 годов (респонденты, назвавшие финский язык родным, в %)⁴⁷.

После принятия в 1993 г. постановления о реабилитации российских финнов республиканскими властями и национальной общественностью были предприняты некоторые усилия по возрождению

⁴⁷ Составлен по материалам переписей. В переписи 2002 года вопрос о родном языке был снят, поэтому проследить дальнейшую динамику невозможно, но предугадать не трудно.

финноязычной культуры Карелии. Росло число школ, где преподавался финский язык и количество учащихся в них: максимальный показатель был достигнут в 1995/96 учебном году, когда в 103 школах республики финский изучали 13422 ученика⁴⁸. В 1993 году на базе отделения финского языка и литературы в Петрозаводском университете был открыт факультет Прибалтийско-финской филологии и культуры. Несколько раз принимались различные целевые программы («Программа возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов и финнов РК», «Финно-угорская школа РК» и др.), в 2004 году принят республиканский закон «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия» и разработана программа этой поддержки на 2006–2010 годы⁴⁹.

Однако, создания нормативно-правовой базы, как и усилий по расширению преподавания финского языка, вовсе недостаточно для обеспечения сохранения российскими финнами своего этнокультурного и этноязыкового своеобразия. Да, в современной России Карелия остается единственным регионом, где финский язык используется в средствах массовой информации, в том числе электронных, в театральных постановках, в книгоиздании, его изучают в ряде школ и вузах. Но это уже скорее агония, сохранность и жизнеспособность финноязычной культуры в России при постоянном уменьшении финского населения (и за счет эмиграции, и в результате аккультурации) вызывает серьезные сомнения.

А. И. Бутвило

«КРАСНЫЕ ФИННЫ» В СОСТАВЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

Трудно переоценить роль этнического фактора в истории нашей страны. Именно он в значительной степени спровоцировал и усугубил оба системных кризиса российской государственности

⁴⁸ Клементьев Е. И. Языковое право и практика (Доклад на Ученом Совете ИЯЛИ РАН 27.02.2006) // <http://indigenous.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=187> (приложение 1).

⁴⁹ См.: <http://www.gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=668>